

E-mail: Oaleinikov@yandex.ru

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ И ЛИТЕРАТУРНАЯ МОСКВА 1920–1940 ГОДОВ: РАЗЫСКАНИЯ И РЕКОНСТРУКЦИИ

(Рецензия на книгу Н. М. Малыгиной «Андрей Платонов и литературная Москва». М.; СПб.: Нестор – История, 2018. 592 с.: ил.)

Аннотация. В рецензии определяется и истолковывается суть сделанного автором книги в процессе изучения литературного окружения и творческих связей А. Платонова в московский период его жизни. Прорисовывается специфика бытования устных нарративов о писателе, уточняются задачи синхронизации документов и фактов с «персональным временем» творческого человека на разных этапах изучения его художественно-публицистического наследия. Уточняются источники информации о контактах Платонова с литературными группами Москвы. Выявляются «линии притяжения, отталкивания и отчуждения», возникавшие между творческими установками писателя и его современников, а также специфика взаимодействия «биографического и эстетического» в художественной стратегии и практике Платонова и других писателей. Приводятся примеры удачных разысканий и реконструкций.

Ключевые слова: литературные связи; творческие контакты; литературоведческие реконструкции; русская литература; русские писатели; рецензии.

Aleynikov O. Yu.
Voronezh, Russia

ANDREY PLATONOV AND LITERARY MOSCOW OF THE 1920^s–1940^s: RESEARCH AND RECONSTRUCTION

(A Review of the Book by N. M. Malygina “Andrey Platonov and Literary Moscow”. Moscow, St. Petersburg: Nestor – Istoriya, 2018. 592 p. with illustrations)

Abstract. The review defines and interprets the essence of the author’s contribution to the study of the literary environment and creative ties of Platonov during the Muscovite period of his life and professional activity. The article outlines the specific nature of oral narratives about the writer and specifies the tasks of synchronizing the documents and facts with the “personal time” of the creative person at different stages of the study of his literary and journalistic heritage. The reviewer reveals the sources of information about Platonov’s contacts with literary groups of Moscow and explores the “lines of attraction, repulsion and alienation” between the creative goals of the writer and his contemporaries, as well as the specificity of the interaction between “the biographical and the aesthetic” in the artistic strategy and practice of Platonov and other writers. The review contains examples of felicitous findings and literary reconstructions.

Keywords: literary connections; creative contacts; literary reconstruction; Russian literature; Russian writers; reviews.

Для цитирования: Алейников, О. Ю. Андрей Платонов и литературная Москва 1920–1940 годов: разыскания и реконструкции / О. Ю. Алейников // Филологический класс. – 2019. – № 1 (55). – С. 180–183. DOI 10.26170/fk19-01-27.

For citation: Aleynikov, O. Yu. Andrey Platonov and Literary Moscow of the 1920^s–1940^s: Research and Reconstruction / O. Yu. Aleynikov // Philological Class. – 2019. – № 1 (55). – P. 180–183. DOI 10.26170/fk19-01-27.

Вышла в свет новая книга Н. М. Малыгиной, более сорока лет работающей над осмыслением событий, документов и фактов, относящихся к «воронежскому» и «московскому» периодам творческой биографии Платонова. Исследование подводит определенный итог давно начатым спорам [Малыгина 2018: 560–568].

Подкупает подход автора к трудам предшественников, которые учитываются добросовестно и тщательно. Впечатляет именней указатель, иллюстративный материал и объем издания. Но главное, разумеется, не это: даже многолетние усилия, предпринятые одним ученым, в наши дни редко приводят к таким зна-

чительным результатам – и по охвату анализируемых проблем, и по содержательной четкости мысли. Одним из факторов этой результативности, очевидно, является переход от систематизации выявленного в течение многих лет фактического материала, его проблемно-хронологического изучения [Малыгина 2008: 255–263] к осмыслению контекстов и процессов творчества, причинно-следственных связей, концептуально значимых проблем литературной жизни.

Большое внимание в книге уделяется вопросам самоидентификации и авторского поведения Платонова, следовавшего своему писательскому «кодексу

чести» в условиях ожесточенной литературной борьбы, развернувшейся в Москве 1920–1930-х годов. Обращение к этой проблематике позволяет увидеть не учтенные ранее событийные узлы и мотивы, повлиявшие на отношения создателя «Сокровенного человека» и «Усомнившегося Макара» с такими значительными фигурами тех лет, как Горький, Воронский, Пильняк. Уточняется роль Сталина и Троцкого в разыгравшемся трагическом развороте событий [Малыгина 2018: 195–199, 368–376, 563]. Предложенная реконструкция убеждает, что полоса отчуждения, надолго возникшая вокруг Платонова, в значительной степени была вызвана приписанной ему репутацией прозаика из так называемой «школы Пильняка», за которым, как и за Воронским, многие видели тень Троцкого. Положение Платонова усугубил очерк «Че-Че-О», опубликованный в соавторстве с главой этой «школы». Воссоздание реального «контекста и подтекста» событий обеспечивает сравнительный анализ «отречений» Б. Пильняка, его соавтора и «любимого ученика» П. Павленко с заявлением А. Платонова «Против халтурных судий (Ответ В. Стрельниковой)», взявшего на себя ответственность за раскритикованный в печати очерк. Документы и факты красноречиво свидетельствуют о «нравах» литературной Москвы. Легко узнаваемы герои платоновской пьесы «14 красных избушек» – литераторы Уборняк и Фушенко, напоминающие персонажей народного театра (как известно, Мария и Андрей Платоновы именовали Петра Павленко «Петрушкой»).

В обстановке первой половины 1930-х годов образ Горького, стоящего с устрашающей дубиной над столом современной русской литературы (этот шарж 1923 года воспроизведен на форзаце книги Н. М. Малыгиной), пытался оживить редактор газеты «Правда» Л. З. Мехлис, сообщив «властителю дум и чувств», уже не свободному в принятии многих решений, негативную информацию о Платонове и других неугодных писателях. Ответ Горького: «Андрей Платонов – даровитый человек, испорчен влиянием Пильняка и сотрудничеством с ним» [Примочкина 1998: 62–63], – едва ли следует однозначно истолковывать как согласие с редактором «Правды». Для дальнейшей судьбы Платонова важна была оценка его профессионального мастерства: «даровитый человек». Сталин придавал подобным аттестациям особое значение (уместно напомнить, как настойчиво спрашивал он Пастернака о мастерстве Мандельштама). Слова Горького, его прямо не сформулированный отказ выступать с разоблачением уже «изъятого» из литературы писателя, возможно, сохранили тому жизнь. Как убедительно показывает Н. М. Малыгина, без Горького Платонов не смог бы отправиться в Туркмению, написать и опубликовать рассказ «Такыр», вступить в Союз советских писателей [Малыгина 2018: 565].

Источники информации о контактах Платонова с писателями Москвы открывались непросто. Интерес к литературному окружению Андрея Платонова возник у отечественных исследователей в первой половине 1950-х годов, когда молодые сторонники «нового взгляда» на историю русской литературы тщетно пытались обсуждать так называемые «трудные темы» с литературоведами старшего поколения. Любопыт-

ный эпизод мне запомнился по рассказу В. П. Скобелева. Ученый заканчивал аспирантуру Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР вскоре после смерти Сталина, когда синхронизация биографии и творчества «неблагополучного» писателя с литературной жизнью Москвы осложнялась обстоятельствами «почти непреодолимой силы»: обнародование имен, событий, фактов, не согласованное с ЛИТОм, грозило исключением из профессии, другими непредсказуемыми последствиями. Тридцать лет спустя профессор вспоминал: «Ходили вокруг меня старики. Узнав об интересе к „почти забытому“ прозаику, каким многим виделся Платонов, они готовы были обсуждать „всё, что угодно“, кроме Воронского и Пильняка, „Литературного критика“, послевоенных нападок на „Семью Иванова“. Ссылались на неосведомленность. В конце 1960-х один из тех же радетелей “взвешенных суждений”, смеясь, вспомнил о моем давнем интересе и рассказал, как нелегко было Платонову доказывать редакторам московских газет и журналов, что не подходивший для “стальной” эпохи псевдоним Ф.[ома] Человеков, которым в 1930-е годы тот иногда подписывал свои литературно-критические статьи, – не выдумка, а фамилия друга, погибшего на Гражданской войне. Не все верили, требовали подтверждений, но сочиненный „мемориальный“ псевдоним все-таки появлялся в печати».

В подцензурную эпоху устные нарративы, восполняя отсутствие достоверной информации о личных и творческих контактах А. Платонова, способствовали мифологизации образа и «пространства жизни» писателя. Переходящие из статьи в статью «общие места» [Нонака 2004: 50] об «учебе у Горького» породили наивное предание о том, что старинное письменное бюро, за которым трудился опальный прозаик, «подарил ему сам Алексей Максимович» (об этом невероятном «событии» сообщил воронежцам С. П. Климентов). Бывшие соседи по «дому литераторов» на Тверском бульваре распространяли «версии», далекие от реальности [Ласунский 2007: 112–113].

Вдова А. Платонова не любила рассказывать о писателях [Свительский 1999: 196] и не составляла списка приходивших «по средам» почитателей творчества мужа, но подтверждала его знакомство с репрессированными С. Буданцевым, К. Большаковым, «начинавшими как футуристы» [Толстая 2002: 337], а также А. Весёлым [Малыгина 2018: 329]. В одной из первых публикаций ее воспоминаний упоминалась фамилия А. Новикова [...Живя главной жизнью 1975: 172, 177]. Однако в семейных бумагах так и не обнаружены письма А. Воронского, очевидно, уничтоженные еще в 1930-е годы [Малыгина 2018: 179]. О расстрелянных знакомых мужа М. А. Платонова говорила скупой, редко и не со всеми. Но характеристики А. Фадеева и М. Шолохова, отмеченные печатью забытых обид [Свительский 1999: 196], видимо, были рассчитаны на публичность: время от времени Мария Александровна принималась работать над книгой своих воспоминаний без «надежды», что сможет опубликовать написанное [Письма М. А. Платоновой воронежцам 2009: 29].

Литературные и творческие контакты А. Платонова в течение ряда десятилетий были обозначены лишь пунктирно. Это мешало изучению «линий притяже-

ния, отталкивания и отчуждения», возникавших между творческими взглядами писателя и его современников. Л. А. Шубин собирался говорить о путях изучения этой сложной проблемы уже на воронежской научной конференции 1969 года (его докладом планировалось открыть пленарное заседание), но конференция была запрещена, и первый сборник статей о творчестве А. Платонова вышел без работы ученого, стоявшего у истоков научного платоноведения. И много лет спустя приходилось пояснять, что «исследователям той поры не была доступна вся полнота фактов и не была разрешена полнота истины» [Свительский 1998: 3]. Неопубликованные произведения писателя не разрешалось даже упоминать, многие единицы хранения находились в архивах под «специальным» надзором. Предпринятая на исходе 1960-х годов работа с фондами напоминала «литературные раскопки» [Ласунский 1972: 5] и осуществлялась энтузиастами, решившими восстановить «начало пути» писателя. Эти разыскания, как и глубокие статьи Л. А. Шубина [Шубин 1967: 26–54], [Шубин 1970: 3–18], открывали перспективы исследования взаимодействия «биографического и эстетического» в его художественной практике разных лет. Эти задачи остаются актуальными и решаются в наши дни на новом материале [Алейников 2016: 11–16], [Дырдин 2017: 67–74], [Малыгина 2010: 130–154], [Хрящева 2014: 346–369].

Уже в 1970-е годы предметом критики становились предания и заблуждения былых лет. В том числе получившее широкое распространение «мнение» о периферийной роли А. Платонова, «прозаика, в полной мере не раскрывшего себя», в историко-литературном процессе – об этом не раз «сетовал» профессор Г. В. Антюхин, организовавший в 1979 году на факультете журналистики ВГУ конференцию «Андрей Платонов – писатель и публицист», на этот раз не отмененную. Едва ли случайно материалы состоявшихся докладов и выступлений почти не были осмыслены и, очевидно, не планировались к изданию. В провинции и Москве сторонники консервативных взглядов замалчивали подлинный масштаб писателя, пытались приспособить его биографию и творчество к идеологической модели, согласно которой ему приходилось преодолевать «внеисторический подход» к социальной реальности, изживать «мировоззренческие ошибки» и т. п.

Ученые, не принимавшие догматических версий, доказывали, что «исторический опыт развития искусства не укладывается в традиционную модель», что «ее решающим опровержением служит творчество ряда крупных художников нашего времени... М. Горького, М. Шолохова, А. Платонова» [Белая 1977: 13]. С. Г. Бочаров рассматривал соотносительность художественных решений А. Платонова с прозой И. Бабеля, А. Веселого, Вс. Иванова, Ю. Олеши (1971); [Бочаров 1985: 249–296]. Однако направление работы, предложенное Л. А. Шубиным, С. Г. Бочаровым, Г. А. Белой, В. П. Скобелевым, привлекало не всех. На исходе 1970-х годов родилось социокультурное предание о «тотальном одиночестве» Платонова в русской литературе, его почти экзистенциальной склонности к письму, «непроницаемому» для любых влияний и созвучий. Сходные рассуждения привлекательны и для современной эссеистики. Зачастую не принимаются к сведению труды исследователей [Ма-

лыгина 1977: 158–164], [Толстая¹ 2002: 272–323, 352–365], [Малыгина 1995: 68–75], [Скобелев 1995: 172–186]. Не всегда услышан и понят призыв устранить диахронические «напластования», искажающие наши знания о писателе и его окружении [Свительский 1993: 81–82, 90, 97].

В последние годы ведётся большая работа по комментированию эпистолярного наследия участников литературного процесса 1930-х годов.

Упоминания Платонова в письмах современников, избегавших называть по переписке фамилию «политически неблагонадежного» человека, – большая редкость, требующая особого внимания.

Из «звена неизвестного сюжета» – письма Б. Пастернака, сообщавшего А. Ахматовой о Платонове, вырастает одна из самых удачных глав новой книги Н. М. Малыгиной. Документы и события, систематизированные в этой части исследования, высвечивают реальные проблемы литературного процесса 1930–1940-х годов: рецензии, написанные в форме доносов, отклоненные и арестованные рукописи, проработки, вырванные страницы, рассыпанные наборы книг, закрытие журналов. Предложенный исследователем анализ убеждает, что «честная русская литература», вынужденная и прежде «ютиться где-то на задворках» (А. Воронский), в 1930-е годы не считала себя маргинальной частью общественного самосознания. Исторические и эстетические параллели, сопоставление судеб и текстов позволяют в новом свете прочитать опубликованные в эти годы произведения Платонова и стихотворения Пастернака, романы «Чевенгур» и «Доктор Живаго».

Установлены семантические созвучия в поэтике Артема Веселого и Андрея Платонова, проявившиеся в обнаруженных автором переключках «Босой правды», «Усомнившегося Макара», «Страны родной», «Сокровенного человека» и «Чевенгура». Продолжено исследование соотношения языковой стихии в произведениях прозаиков с экспериментами авангардного искусства начала XX века [Малыгина 1995: 68–75].

Представленный в исследовании Н. М. Малыгиной материал позволяет иначе, чем прежде, увидеть московский круг близких знакомых Платонова, включавший С. Буданцева, В. Бокова, В. Гроссмана, Л. Гумилевского, А. Новикова, не похожих на «гонимого друга», но высоко ценимых им. Документы, извлеченные из архивов, свидетельствуют о несостоятельности существовавшей когда-то версии о выпавшем из литературы и жизни «дезориентированном» Платонове: его суждения о текущей литературе, философии, технике, задачах творчества подтверждают обратное.

История творческого сотрудничества Платонова и Гроссмана, участие последнего в жизни и посмертной судьбе писателя показывает, что книга Н. М. Малыгиной – в ряде разделов, аттестаций и характеристик – представляет собой прообраз энциклопедии о писателе. Эта глубокая работа, в которой реконструирована творческая биография писателя и его литературного окружения, позволит научному сообществу перейти к обсуждению будущей Платоновской энциклопедии, требующей коллективных усилий.

¹ Статьи исследователя впервые публиковались в 1978 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Алейников О. Ю. «Сочинители» в рассказах А. Платонова начала 1920-х годов // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2016. – № 2. – С. 11–16.
- Белая Г. А. Закономерности стилистического развития советской прозы. – М.: Наука, 1977. – 254 с.
- Бочаров С. Г. О художественных мирах. – М.: Советская Россия, 1985. – 296 с.
- Дырдин А. А. «В стране трудного счастья» (этимология имен героев в повести А. Платонова «Ювенильное море») // Филологический класс. – 2017. – № 2. – С. 67–74.
- ...Живя главной жизнью (А. Платонов в письмах жене, документах и очерках) // Волга. – 1975. – С. 160–178.
- Ласунский О. Литературные раскопки. Рассказы литературоведа. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1972. – 255 с.
- Ласунский О. Г. Житель родного города. Воронежские годы Андрея Платонова. 1899–1926: монография. – Изд. 2-е, доп. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2007. – 280 с.
- Мальгина Н. М. Идеино-эстетические искания А. Платонова в начале 20-х годов («Рассказ о многих интересных вещах») // Русская литература. – 1977. – № 4. – С. 158–164.
- Мальгина Н. М. Эстетические принципы авангарда в художественной системе Андрея Платонова // Русская литература XX века. – Екатеринбург, 1995. – Вып. 2. – С. 68–75.
- Мальгина Н. М. Сияние света во тьме: Андрей Платонов в 1939 году // Творчество Андрея Платонова. – СПб.: Наука, 2008. – С. 255–263.
- Мальгина Н. М. «Истинного себя я ещё никогда и никому не показывал...». Материалы к биографии Андрея Платонова // Вопросы литературы. – 2010. – № 4. – С. 130–154.
- Мальгина Н. М. Андрей Платонов и литературная Москва: А. К. Воронский, А. М. Горький, Б. А. Пильняк, Б. Л. Пастернак, Артём Весёлый, С. Ф. Буданцев, В. С. Гроссман. – М.: Нестор-История, 2018. – 590 с.
- Нонака С. Как читать воспоминания об А. Платонове (Методологический очерк) // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. – Воронеж: ВГУ, 2004. – Вып. 22. – С. 43–60.
- Письма М. А. Платоновой воронежцам / публикация и предисловие О. Ю. Алейникова // Платоновский вестник. – Воронеж, 2009. – № 4. – С. 23–31.
- Примочкина Н. Писатель и власть. М. Горький в литературном движении 20-х годов. – М.: РОССПЭН, 1998. – 302 с.
- Свительский В. А. Факты и домыслы: о проблемах освоения платоновского наследия // Андрей Платонов: Исследования и материалы. Сб. трудов. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993. – С. 80–102.
- Свительский В. А. Из бесед и переписки с родственниками А. Платонова // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. – Воронеж: ВГУ, 1999. – Вып. 13. – С. 185–202.
- Свительский В. А. Андрей Платонов вчера и сегодня. Статьи о писателе. – Воронеж: Полиграф, 1998. – 156 с.
- Скобелев В. П. Андрей Платонов и Борис Пильняк (Романы «Чевенгур» и «Волга впадает в Каспийское море») // Борис Пильняк. Опыт сегодняшнего прочтения. – М.: Наследие, 1995. – С. 172–185.
- Толстая Е. Д. Мирпослеконца: Работы о русской литературе XX века. – М.: РГГУ, 2002. – 511 с.
- Хрящева Н. П. Функция «чужих» текстов в «Чевенгуре» А. Платонова // Кризис литературоцентризма. Утрата идентичности vs. новые возможности. Сер. «Универсалии культуры» / отв. редактор Н. В. Ковтун. – М.: ФЛИНТА, 2014. – С. 346–369.
- Шубин Л. А. Андрей Платонов // Вопросы литературы. – 1967. – № 6. – С. 26–54.
- Шубин Л. А. Критическая проза Андрея Платонова // Платонов А. Размышления читателя. Статьи. – М.: Советский писатель, 1970. – С. 3–18.

Данные об авторе

Алейников Олег Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент, кафедра русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и фольклора, Воронежский государственный университет (Воронеж).

Адрес: 394693, Россия, г. Воронеж, пл. Ленина, 10.
E-mail: Oaleinikov@yandex.ru.

REFERENCES

- Aleynikov O. Yu. "Writers" in the stories of A. Platonov in the early 1920^s // Bulletin of VSU. Series: Philology. Journalism. – 2016. – № 2. – P. 11–16.
- Belaya G. A. Patterns of stylistic development of Soviet prose. – M.: Nauka, 1977. – 254 p.
- Bocharov S. G. About the art worlds. – M.: Soviet Russia, 1985. – 296 p.
- Dyrdin A. A. "In a country of difficult happiness" (etymology of the names of the characters in the story of A. Platonov "Juvenile Sea") // Philological Class. – 2017. – № 2. – P. 67–74.
- ...Living the main life (A. Platonov in letters to his wife, documents and essays) // Volga. – 1975. – P. 160–178.
- Lasunsky O. Literary excavations. Literary Stories. – Voronezh: Central Black Earth Book Publishing, 1972. – 255 p.
- Lasunsky O. G. A resident of his native city. Voronezh years of Andrei Platonov. 1899–1926: monograph. – 2nd edition, additional. – Voronezh: Center for the spiritual revival of the Black Earth region, 2007. – 280 p.
- Malygina N. M. Ideological and aesthetic searches of A. Platonov in the early 20^s ("A story about many interesting things") // Russian literature. – 1977. – № 4. – P. 158–164.
- Malygina N. M. Aesthetic principles of avant-garde in the art system of Andrei Platonov // Russian literature of the 20th century. – Ekaterinburg, 1995. – Issue 2. – P. 68–75.
- Malygina N. M. Light shining in darkness: Andrei Platonov in 1939 // Creativity Andrei Platonov. – SPb.: Nauka, 2008. – P. 255–263.
- Malygina N. M. "I have never shown myself true to anyone...". Materials to the biography of Andrei Platonov // Literature questions. – 2010. – № 4. – P. 130–154.
- Malygina N. M. Andrei Platonov and Literary Moscow: A. K. Voronsky, A. M. Gorky, B. A. Pilnyak, B. L. Pasternak, Artyom Vesely, S. F. Budantsev, V. S. Grossman. – M.: Nestor-History, 2018. – 590 p.
- Nonaka S. How to read memories about A. Platonov (Methodological essay) // Philological notes. Bulletin of literature and linguistics. – Voronezh: VSU, 2004. – Issue 22. – P. 43–60.
- Letters of M. A. Platonova to Voronezh citizens / Publication and Foreword by O. Yu. Aleynikov // Platonovskiy bulletin. – Voronezh, 2009. – № 4. – P. 23–31.
- Primochkina N. Writer and power. M. Gorky in the literary movement of the 20^s. – M.: ROSSPEN, 1998. – 302 p.
- Svitel'skiy V. A. Facts and conjectures: about the problems of the development of the Platonic heritage // Andrei Platonov: Research and materials. Collected Works. – Voronezh: VSU, 1993. – P. 80–102.
- Svitel'skiy V. A. From conversations and correspondence with relatives of A. Platonov // Philological notes. Bulletin of literature and linguistics. – Voronezh: VSU, 1999. – Issue 13. – P. 185–202.
- Svitel'skiy V. A. Andrei Platonov yesterday and today. Writer Articles. – Voronezh: Poligraph, 1998. – 156 p.
- Skobelev V. P. Andrei Platonov and Boris Pilnyak (novels "Chevengur" and "Volga flows into the Caspian Sea") // Boris Pilnyak. Experience of today's reading. – M.: Nasledie, 1995. – P. 172–185.
- Tolstaya E. D. Mirposlekonetsa: Works on Russian literature of the 20th century. – M.: RSHU, 2002. – 511 p.
- Khryacheva N. P. The function of "foreign" texts in the "Chevengur" A. Platonov // The crisis of literature-centrism. Loss of identity vs. new opportunities. Ser. "Universals of Culture" / Executive Editor N. V. Kovtun. – M.: FLINTA, 2014. – P. 346–369.
- Shubin L. A. Andrei Platonov // Literature questions. – 1967. – № 6. – P. 26–54.
- Shubin L. A. Andrei Platonov's Critical Prose // Platonov A. Reflections of the reader. Articles. – M.: Soviet writer, 1970. – P. 3–18.

Author's information

Aleynikov Oleg Jur'evich – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian Literature of XX and XXI centuries, Theory of Literature and Folklore, Voronezh State University (Voronezh).